

— И надо же было твоему сыну... такой длинный меч, и вот так просто... — Алекс сидел на берегу, поджав под себя ноги, и заворуженно смотрел на бурлящий поток. — Как у него только рука поднялась — одним ударом, насквозь... и себя, и Цзяи.

Он небрежно откинул назад длинные волосы. Ветер подхватил пряди, обнажив бледное лицо, на котором не читалось ни единой эмоции. Алекс опустил взгляд.

— Это был день их свадьбы. Нил... зачем он это сделал?

Он вздрогнул. Перед ним пенилась река, разбиваясь о прибрежные валуны. Вода была чистой — теперь и не скажешь, что совсем недавно она окрасилась в багровый, унося с собой жизнь его брата, его второй половины.

— Видимо, такова судьба нашего рода...

Алекс склонил голову набок. Тяжёлый каскад волос рассыпался по плечам. Он коснулся кончиками пальцев виска, где пульсировала тупая, нарастающая боль. На лбу выступила испарина, он нахмурился.

Он внезапно мягко улыбнулся. Мысль, промелькнувшая в сознании, заставила боль отступить. Он заговорил тише, словно делился сокровенной тайной:

— Чуть не забыл тебе сказать... Поместье Кеннетов выставили на аукцион, и я его выкупил. Нашу общую фотографию я достал из тайника и повесил в той комнате, которую ты переделал под кабинет. Помнишь? Там, где мы жили в детстве.

Алекс убрал руку от лица и подпёр подбородок ладонью.

— Иногда я прихожу туда и просто смотрю на нас. И знаешь... в эти моменты я чувствую себя счастливым. Только сейчас, в самом конце, я понял, каково это. Сидя в той пустой комнате, я ощущаю, что ты всё ещё рядом. У тебя была Лилиан, у меня был ты, а Нил... Нил был нашим ребёнком.

Он заговорил совсем тихо, почти шёпотом:

— Скоро... Скоро Кеннетов больше не останется. Наш род ждёт окончательное угасание. И тогда мы снова встретимся.

Под ясным синим небом этот изысканный мужчина в длинных чёрных одеждах долго шептал реке свои воспоминания. На его коленях лежала книга; ветер шелестел страницами, заставляя

бумагу негромко шипеть. Алекс коснулся пальцами раскрытого разворота.

— На чём мы остановились? Ах да... Алекс Кеннет прибыл в Срединные земли, в императорский дворец Гэнтин. Местные жители с любопытством и восторгом принимали чужеземца, чья внешность так отличалась от их собственной. Даже юная принцесса не осталась равнодушной к его чарам...

Голос Алекса таял в прозрачном воздухе, уносясь в самую глушь густого леса.

— Маленькая смуглая принцесса кружила вокруг него, глядя на мир глазами, полными детского восхищения. Алекс стал знаменитостью в этом закрытом королевстве. Король пригласил его остаться и стать наставником принцев, чтобы он рассказывал им о нравах и обычаях дальних земель. Все любили этого прекрасного юношу...

Алекс стоял перед Цзянь Хуаем и Цзяи.

Он планировал лишь издали взглянуть на их свадебную церемонию, но Цзянь Хуай, словно предчувствуя его появление, приказал слугам отыскать его в лесу и пригласить в качестве почётного свидетеля.

Его? Убийцу своих родителей?

— Цзяи Эдгар... — Алекс смотрел на них со сложным, нечитаемым выражением лица.

— Нет, я просто Цзяи, — ответил тот, крепко сжимая руку Цзянь Хуая.

Цзянь Хуай взглянул на Алекса — на лицо, которое было точной копией отцовского, — и ровным голосом добавил:

— А я просто Цзянь Хуай. Нила Кеннета больше нет.

— Что ж, я ошибся, — Алекс поджал губы и продолжил церемонию. — Господин Цзяи, согласны ли вы взять в супруги господина Цзянь Хуая? Клянётесь ли вы любить его, следовать за ним в любые края и оберегать его, что бы ни случилось, до конца своих дней?

Цзяи склонил голову. В его изумрудных глазах отражался только Цзянь Хуай.

— Согласен, — его хриплый голос был пропитан фанатичной преданностью.

Алекс повернулся к Цзянь Хуаю и задал тот же вопрос. Цзянь Хуай на мгновение замолчал. Цзяи сжал его пальцы так сильно, что костяшки побелели; в этом жесте чувствовалась едва скрываемая паника.

Почувствовав боль в суставах, Цзянь Хуай поднял взгляд на Цзяи и чётко произнёс:

— Я не просто согласен стать твоим мужем в этой жизни. Я хочу, чтобы мы встретились и в следующей. Чтобы снова были вместе.

Он улыбнулся.

— В следующий раз я не заставлю тебя так страдать. Я не позволю тебе быть таким незащищённым. Я сам буду тебя защищать, буду любить тебя и останусь с тобой на очень долгое время.

Заметив, как внимательно Цзяи ловит каждое его слово, Цзянь Хуай подался вперёд и невесомо коснулся губами его век. Цзяи зажмурился, чувствуя это мимолётное, тающее тепло. Казалось, этот поцелуй вытравил из его души всю горечь прошлого. Его взгляд, глубокий и тёмный, как заброшенный колодец, снова застыл на лице любимого.

Цзяи поднял руку Цзянь Хуая, на которой тускло мерцало кольцо.

— В этом янтаре застыла кровь из моего сердца, — прошептал он. — В тот день я был ранен, меня лихорадило, и я думал о тебе. Ты казался таким недосягаемым... Я сам расплавил янтарь, добавил туда свою кровь и сделал это кольцо, мечтая, что однажды ты его наденешь.

Взгляд Цзяи смягчился. Он благоговейно поцеловал украшение.

— Спасибо, что не снял его. Спасибо за то, что ответил на мои чувства. Теперь я сделал второе, парное. Ты наденешь его мне?

Цзянь Хуай кивнул и коснулся груди Цзяи:

— Тебе было больно?

— Нет, — коротко отрезал тот.

Цзянь Хуай взял кольцо и осторожно надел его на палец Цзяи.

— Там какая-то надпись? — Алекс присмотрелся к гравировке на переплетённых ободках. — Это иероглифы Восточных земель. Здесь написано: «Моя любовь».

Их руки переплелись, пальцы крепко сцепились в замок. Два кольца соприкоснулись — так же тесно, как и их сердца в это мгновение.

Алекс смотрел на них с едва уловимой, почти легкомысленной усмешкой.

— Отныне вы муж и жена, — размеренно объявил он. — Да пребудете вы в согласии долгие годы. И пусть ваш союз будет нерушимым. От лица Кеннетов я дарю вам своё благословение.

С этими словами Алекс внезапно протянул руку к Цзянь Хуаю. Цзяи мгновенно напрягся и заслонил его собой; его роскошная накидка из перьев белого павлина всколыхнулась, переливаясь в свете ламп.

— Не нервничай так, — усмехнулся Алекс. — Я не собираюсь причинять ему вред.

— Всё в порядке, — тихо сказал Цзянь Хуай, выглядывая из-за широкой спины Цзяи.

Он мягко отстранил Цзяи. Алекс подошёл вплотную и потрепал Цзянь Хуая по голове. Аккуратно уложенные волосы растрепались под его тяжёлой ладонью, отчего его красивое лицо на миг приобрело почти детское выражение.

Тот лишь спокойно смотрел ему в глаза, пока не услышал тихий шёпот:

— Отныне ты — Цзянь Хуай. Иди и ищи своё счастье.

Короткое, внезапное объятие принесло с собой едва уловимый запах сандала, но Алекс тут же отстранился.

— Я ухожу. Больше я вас не побеспокою.

Он обошёл пару и направился к выходу.

— Постой! — окликнул его Цзянь Хуай. — Я приготовил для тебя подарок. Если не побрезгуешь, заведи его у дворецкого. И ещё... в тайной комнате нашего поместья есть секрет моего отца. Ты должен его увидеть.

Алекс на мгновение замер, но не обернулся. Он лишь махнул рукой и вышел за двери, скрывшись в сумерках.

В ту ночь Цзянь Хуай пил много вина, и Цзяи не отставал от него.

Снаружи, во дворе усадьбы, по приказу Цзяи накрыли праздничные столы для простых

горожан. Шум весёлой толпы доносился даже сквозь закрытые окна. Своих людей Цзяи тоже отправил праздновать, велел лишь следить, чтобы никто посторонний не ворвался в дом и не потревожил их покой.

В комнате они остались одни.

Цзянь Хуай наполнял чашу за чашей. В серебристом лунном свете они молча смотрели друг на друга, глотая обжигающую влагу.

Цзянь Хуай захмелел. Его обычно бледные щёки залил румянец, губы блестели от вина. Он пил жадно, капли стекали по подбородку на шею, исчезая в ложбинке между ключиц.

Он сбросил на кровать тяжёлую павлинью накидку, тонкими пальцами расстегнул пуговицы парадного пиджака и, запрокинув голову, сорвал драгоценную запонку с воротника рубашки, обнажая изящный кадык.

Взгляд Цзяи стал тёмным, в нём вспыхнуло безумие.

Подавляя рвущееся наружу неистовое желание, он коснулся горячей щеки Цзянь Хуая.

— Ты пьян? — прохрипел он.

— Вовсе нет... — Цзянь Хуай поднял чашу и, запрокинув голову, позволил вину литься прямо в рот. Влага стекала по горлу, намочив воротник. Он прищурился, глядя на Цзяи. — Я трезв. А ты?

— Пьян... — глухо отозвался Цзяи. — И меня мучит жажда...

Цзянь Хуай рассмеялся. Он прищурился, и в его глазах блеснуло лукавство.

— Раз так — иди и пей.

Он обхватил Цзяи за талию, лаская напряжённые мышцы его спины, и набрал в рот вина.

Цзянь Хуай подставил лицо, позволяя каплям сбегать по губам. В следующее мгновение Цзяи подмял его под себя, вжимая в постель. Его губы накрыли губы Цзянь Хуая; гибкий язык проник внутрь, жадно вылизывая терпкую влагу, смешанную со вкусом любимого человека. Он не упустил ни единой капли.

Цзянь Хуай чувствовал, как его тело охватывает жар. Он тяжело дышал, запустив пальцы в волосы Цзяи, словно пытался укротить дикого зверя. Сознание заволакивал туман, но где-то в

самой глубине разума он отчётливо понимал, что происходит.

«Уже скоро... — пронеслось в голове сквозь хриплые вдохи. — Скоро всё закончится».

Он подставил шею под влажные поцелуи Цзяи, позволяя тому терзать свою кожу.

«Внимание»

«Обратный отсчёт: 10, 9, 8... 1»

Послышалось мерное тиканье, но Цзяи его не слышал. Он лишь хрипло дышал, обжигая кожу Цзянь Хуая. словно хищник, он впивался в свою добычу, ослеплённый алкоголем и страстью.

Цзянь Хуай знал: эти звуки предназначены только для него.

[Уведомление о принудительном исполнении]

[Срок в три дня истёк. Будут выполнены два наказания: 1. Наказание господина Цзяи; 2. Принудительный уход господина Цзянь Хуая из этого мира.]

Поместье было устлано коврами, стены утопали в розах, чей нежный аромат смешивался с запахом вина. Малахитовые и агатовые подвески на потолке тихо звенели, наполняя дом призрачной музыкой. Люди снаружи продолжали ликовать, не подозревая, какая трагедия разыгрывается за наглухо закрытыми дверями.

Одежда Цзянь Хуая была в беспорядке, на ключицах атели засосы и следы зубов. Он смотрел на Цзяи и улыбался.

— Позволь мне снять твой меч... — его голос сорвался на шёпот.

Он положил ладонь на эфес оружия, которое Цзяи никогда не снимал.

— Сожми его покрепче... разрежь моё платье... — его улыбка была одновременно нежной и пугающей. — Разве это не весело?

Цзяи никогда не видел его таким. Глаза его горели лихорадочным огнём; он послушно обхватил рукоять меча, чувствуя на своей руке мягкую ладонь Цзянь Хуая. Ему казалось, что он спит. Воздух был пропитан дурманом. Он завороченно смотрел, как под лезвием расплзается тонкий шёлк, обнажая белую грудь.

Внезапно Цзяи почувствовал, как рука Цзянь Хуая резко надавила на его собственную.

Цзянь Хуай рванулся вперёд, и холодная сталь с глухим звуком вошла в живую плоть. Острое лезвие погрузилось глубоко в его грудь.

Цзяи в ужасе замер. На белоснежную кожу брызнула алая кровь.

Ещё один толчок.

— А теперь... — прошептал Цзянь Хуай, и кровь запузырилась на его губах, — вонзи его прямо мне в сердце.

Он прищурился от боли, но продолжал улыбаться.

— Как интересно...

Хмель мгновенно выветрился из головы Цзяи. На смену ему пришёл леденящий ужас. Он не смел отпустить меч и не смел вытащить его, боясь, что вместе со сталью из Цзянь Хуая вытечет жизнь.

— Зачем?! — его голос сорвался на крик.

— Глупый... я и сам не знаю... — Цзянь Хуай захлебнулся кровью. — Мне так холодно. Так больно.

Его рука бессильно соскользнула с ладони Цзяи.

— Я... я позову врача! — Цзяи дёрнулся к выходу, но тут же услышал тихий всхлип плоти.

Цзянь Хуай сам навалился на эфес, заставляя клинок выйти из спины. Его синие глаза, затуманенные болью, впелись в лицо Цзяи.

— Не уходи... останься со мной...

Цзяи бросился обратно. Его пальцы коснулись раны, окрашиваясь в багровый. Он дрожащими руками обхватил лицо любимого.

Он прижался своим лбом к его лбу, покрытому холодным потом.

— Почему ты так со мной... — шептал он, и ногти его впивались в щёки Цзянь Хуая. — Если я тебе ненавистен — я отпущу... Зачем наказывать меня своей смертью? Это я виноват... Я не должен был навязываться, не должен был принуждать тебя...

Цзянь Хуай тихо рассмеялся, отчего из уголка рта снова потекла кровь.

— Нет... просто этот мир... он слишком пустой. Слишком холодный. Мне здесь неуютно...

Он коснулся лица Цзяи, пачкая его кровью. Кольцо на его пальце тоже стало красным.

— Я так устал. Согрей меня, пожалуйста.

Цзяи, спотыкаясь, залез на кровать и прижал к себе это стремительно остывающее тело. Ему было плевать, что острие меча упирается в его собственную грудь.

— Будь со мной... всегда... — голос Цзянь Хуая затихал. — Мы ведь обещали... долгие годы... никогда не расставаться...

Цзяи лихорадочно кивал, прижимаясь к нему всё сильнее. Он взял безвольную руку Цзянь Хуая и вместе с ней обхватил рукоять меча.

— Вместе, — прохрипел он. — Моя любовь.

В саду этого величественного поместья снова зажурчала вода в фонтанах, расцвели лотосы. Серебристая луна освещала тихий двор, даря покой и умиротворение.

А внутри, в тишине комнаты, двое людей застыли в последнем объятии.

[Наказание 1 выполнено. Наказание 2 выполнено.]

[Тестирование завершено. Ожидание результатов проверки.]

Но Цзянь Хуай этого уже не слышал. Сознание его погрузилось в глубокий, беспросветный сон. Тьма окутала его, и он, перестав бороться, позволил себе окончательно сорваться в бездну, из которой, казалось, уже не суждено было вернуться.

<http://bllate.org/book/17462/1696603>